

Ю. ШМИДТ: Добрый день уважаемые журналисты. Я вижу, что некоторые удивленно смотрят на меня – что это за «зверь», которого мы не разу не видели в суде? Которого не просто объявили членом команды защитников Ходорковского, но еще и первому предоставили слово. Поэтому я очень коротко расскажу, что вообще уже в этом деле я работаю пять с половиной лет и к великому моему сожалению, к моменту, когда начался второй суд, я тяжело заболел и до сих пор еще нахожусь в реабилитационном периоде и потому в команде защиты участвую больше виртуально. Учитывая, что хотя я и слежу каждый день за тем, что происходит в процессе, разумнее не мне, а тем, кто участвует в деле непосредственно, подводить итоги прошедших стадий судебных слушаний.

Я позволю себе напомнить вам несколько важных этапов из предыстории этого дела, потому, как я уже на прошлой пресс-конференции, лица журналистов, которые я привык видеть в течении нескольких лет, вдруг как-то сменились, появились новые люди, и многим из вас, вероятно, просто неизвестно, как развивалось это дело. О главных этапах этого развития я и хочу напомнить.

Вероятно, нет смысла никому доказывать, что это дело политическое. В СССР было принято политических оппонентов либо судить по политическим статьям, либо в крайних случаях навешивать еще и уголовное обвинение, что бы со всех сторон, как бы осветить их «звериный облик». Сегодня предъявить чисто политическое обвинение пока еще трудновато. Хотя детали бывших статей №58 Кодекса 1926 года и №70 Кодекса 1960 года, уже имеются и в сегодняшнем законодательстве. Не буду называть примеры, если хотите, я назову, но пока удобнее судить по чисто уголовным статьям независимо от того что в основе лежат политические мотивы.

Я хочу доказать вам, уважаемые журналисты, что преследуют Ходорковского и Лебедева не Генеральная Прокуратура, не Следственный Комитет, и судят его не суды. Все это дело направляется из единого центра, координирующего работу самых разных и не подчиненных друг другу органов. По сути, нынешний режим, а мне кажется, что после смены фамилий первых лиц никакой разницы нет. Этот нынешний правящий режим всей своей мощью обрушился на людей, которых считает своими политическими оппонентами. В чем-то он и правильно их считает своими политическими оппонентами, особенно Михаила Ходорковского, но дело в том, что слово «политический оппонент» не называется в течении многолетнего преследования. Вместо этого широко распространяется клевета, например, что Ходорковский хотел скупить Думу, Ходорковский хотел стать президентом, Ходорковский хотел продать компанию ЮКОС американцам и пообещал Кондолизе Райс, что Россия в одностороннем порядке произведет ядерное разоружение. Все эти вещи можно прочесть в прессе, и я иногда выступаю по радио в интерактивном формате, и с удивлением слушаю людей, которые на полном серьезе задают такие вопросы.

Между тем, политическое оппонирование Ходорковского заключалось в совершенно открытом и публичном финансировании оппозиционных партий. Ему, как и многим людям, которые исповедуют либеральные ценности и которым дорого понятие «права человека» не хотелось бы, чтобы наш представительный орган, именуемый Федеральным собранием, был исключительно однопартийный, либо состоял из имитации

оппозиционных партий. Чтобы суды существовали как самостоятельная ветвь власти, а не подчинялись все тому же правящему в нашей стране режиму. Михаил Борисович выступал за это.

Такую позицию занимают многие люди, но Ходорковский был особенно страшен власти тем, что обладая мощным финансовым ресурсом он не просто декларировал эту свою позицию, но и мог попытаться воплотить свои идеи, используя значительные финансовые средства. Но и конечно одной из причин разграбления, другого слова не найти, ЮКОСа – это то, что это лучшая на тот момент и наиболее рентабельная компания, конечно выглядела слишком лакомым куском. Толпа голодных, пришедших с Путиным к власти и бывших питерских силовиков, и людей входящих в ближний круг и в окружение Путина, конечно не могла спокойно смотреть, что вот есть какая-то собственность, которая приносит большие доходы, а на нее можно только щелкать зубами.

Я напому о фантастическом PR сопровождении кампании по гонению Ходорковского, о клеветнических фильмах, которые показывались по центральным каналам, о целых книгах, написанных на основании совершенно ложных и фальсифицированных фактов и совершенно ложного их истолкования. При этом лгали в ходе оглашения этого дела абсолютно все: лгали следователи, лгали прокуроры в самом высоком звании, лгали руководители федеральных служб. Лгали и на глазах у всего мира совершали бесчестные поступки первые лица государства.

Правда, в кампании преследования Ходорковского не обошлось и без некоторых осечек. Последняя осечка была продемонстрирована недавно, когда Ирина Роднина, чья подпись стояла под письмом, осуждающим Ходорковского, заявила, что она этого письма не подписывала. Ранее были и другие люди, которые, надо сказать, к их заслугам, еще в тот момент, когда этот подлый пасквиль появился, заявили о том, что они своей подписи не ставили. Количество нарушений прав обвиняемых, допущенных за шесть лет этого беспрецедентного процесса, зашкаливает и не существует никакого прибора, чтобы их измерить. Ложь и фальсификации, сокрытие доказательств, исключение обвиняемых из субъектов так называемого состязательного процесса, превращение этого процесса в инквизиционный. Отказ защите в абсолютно всех ходатайствах, направленных на поиск истины.

Я приведу только один, совершенно анекдотический пример. Мы, готовясь к этому процессу, подготавливая мотивированные ходатайства, выискивая с огромным трудом сокрытые умышленно следствием документы, уже начали проводить шуточные опросы: под каким предлогом нам откажут? Потому что изобретательность этих господ не знает границ. Один пример я позволю себе привести из первого судебного процесса, когда мы попросили приобщить к делу копию судебного решения, вынесенного одним из провинциальных судов, и полученную по нашему запросу. Судья Колесникова, имея на руках, выполненный на бланке, заверенный подписью судьи и печатью документ, отказала в его приобщении на том основании, что фирменный бланк с гербом Российской Федерации, оказывается, лишен необходимого элемента – геральдического щита, который где-то там должен, оказывается, обязательно быть, а вот этого геральдического щита в

гербе РФ нет. Позднее мы обнаружили, что на собственных бланках Мещанского суда абсолютно так же изображен этот самый герб, но поезд к тому времени уже ушел.

Совершенно невероятные вещи происходили при передаче первого дела в кассационную инстанцию. Первое дело, когда соединили дела Лебедева и Ходорковского, составило в общей сложности около 500 томов. И надо же, при кассации, как раз перед предстоящими в 2005 году выборами в Государственную Думу, на свободное место Ходорковский подал заявление о своем желании быть зарегистрированным в качестве кандидата в депутаты.

Мы в это время спокойно изучали протокол судебного заседания и готовили кассационные жалобы. И вдруг последовала команда – немедленно направить дело в городской суд, в том виде в каком оно существовало на тот момент, с неподписанными протоколами об ознакомлении с протоколом. Кассационные жалобы приходилось в срочном порядке дописывать ночью, а 500-томное дело направили на рассмотрение через семь дней с момента его получения городским судом. Вы можете себе представить, как судьи способны были изучить это дело?

Я в документе, который будет вам роздан в письменном виде, он называется «Дело Ходорковского: Факты и комментарии», ссылаюсь на пример из истории, когда в конце 19 века, во Франции состоялось кассационное рассмотрение знаменитого дела Дрейфуса. Прокурор, выступая перед судьями, благодарил их за то, что они всего за шесть месяцев сумели изучить семь томов уголовного дела. Наши городские судьи за семь дней сумели изучить 500 томов уголовного дела.

После вынесения приговора по действовавшей в то время норме Уголовно-Исполнительного Кодекса, наши подзащитные должны были быть отправлены в колонии по месту жительства. Это императивная норма и когда ее вносили в закон, в сопроводительной записке было написано: «как важно, чтобы осужденные дышали тем же воздухом, которым дышат их родные и близкие, живущие по соседству; чтобы родным и близким было легче поддерживать контакт. Как это важно для социальной адаптации лиц отбывших наказание». Ходорковского, как известно, отправили в Краснокаменск, за 7 000 км. от Москвы. Лебедева - за Полярный круг в поселок Харп Ямало-Ненецкого округа.

Когда мы подали жалобы, ссылаясь на то, что грубо нарушен закон, г-н Калинин, возглавлявший в то время Федеральную службу исполнения наказаний, на всю страну лгал, что ни в одной колонии ближе просто не было свободных мест. Поэтому что вы удивляетесь? И все может быть было бы плохо. Уличить человека во лжи было бы достаточно трудно, если бы не случилось так, что к тому времени г-н Чайка, в то время - министр юстиции, не выступил в Государственной Думе с докладом о положении дел в сфере исправительных заведений. Он сообщил, а мы представили суду копию его выступления, что количество осужденных, отбывающих наказания, последние годы неуклонно снижалось и на первое ноября 2005 года имеется недолежит, то есть 150 000 свободных мест в колониях России. А когда мы с г-жой Липцер занимались обжалованием направлений Ходорковского и Лебедева в отдаленные колонии, мы сумели раздобыть документы, подтверждающие, что если человека невозможно направить в колонию по

месту жительства, [закон понимал, что, например, в Москве нет колоний исправительных; была одна, потом ее закрыли], то нужно направить в колонию ближайшего региона. И мы увидели список, в который рекомендовалось направлять осужденных москвичей. Это были Тульская, Владимирская, Ярославская область – действительно, ближние к Москве регионы. Незадолго перед тем, как вы выносился приговор Ходорковскому и Лебедеву, вдруг в этот список были добавлены Чита и Ямало-Ненецкий автономный округ. Никого кроме Ходорковского не направили больше в Читинскую область, никого кроме Лебедева, мы смотрели потом эти данные, не направили в Ямало-Ненецкий округ. Но все это вместе взятое свидетельствует о том, как все службы, связанные с возбуждением уголовного дела, его ведением, с рассмотрением, с исполнением наказания, работали на незаконное преследование этих двух несчастных людей.

Ну и уже в 2007 году, когда встал вопрос о том, куда же направлять осужденных, хотя еще далеко не осужденных Лебедева и Ходорковского, Госдума внесла в статью №73 изменение, в котором зафиксировала право руководства Федеральной службы исполнения наказания и министерства юстиции направлять осужденных в любую колонию страны по своему усмотрению. Надо ли говорить, что суд нам отказал в нашей просьбе выполнить закон.

То же самое произошло и со следствием в Чите. Уникальный случай, когда мы подали жалобу от имени Ходорковского и Лебедева в Басманный суд, доказывавшей, что следствие в городе Чита абсолютно незаконное и нарушает требования статьи №152 УПК, то произошло чудо. Когда мы вышли из пустого зала в ожидании решения судьи, мы встретили сотрудницу Интерфакса, которая спросила нас, что мы делаем. Мы рассказали по какому делу пришли и она сказала – я останусь послушать. Мы говорим – нечего слушать, будет очередной отказ. И вот тогда-то произошло чудо. 20 марта 2007 года судья Ярлыкова, теперь уже заметьте бывшая, неожиданно признала постановление заместителя Генерального прокурора о проведении следствия в Чите незаконным и необоснованным и подлежащим отмене. Это был удар, который не был предусмотрен. Постановление вступило в законную силу, и в течение почти года прокуратура приносила один за другим протесты, но по закону вступившее в силу решение подлежит немедленному исполнению.

Я проработал большую часть жизни в советское время, я знаю, как проходило правосудие в Брежневские времена. Если нужно было пробить судебное решение, то пробивалось судебное решение выгодное власти. Такого, чтобы прокуратура официально заявляла, а они в целом ряде письменных ходатайств писали, что, да, Басманный суд вынес такое-то решение, и оно вступило в законную силу, но прокуратура считает его неправильным и исполнять не будет. И не исполняла. Люди продолжали оставаться в Чите.

Последнее о чем я хочу сказать. Многие часто спрашивают меня, зачем потребовалось власти второе уголовное дело, неужели нельзя было в крайнем случае объединить дела в одно производство, рассмотреть их вместе? Вроде как-то это и нелогично, и не очень прилично, потому что немало людей, поддерживающих власть и обманутых бессовестной пропагандой, приветствовали первое дело Ходорковского и Лебедева. Но они скептически стали относиться к тому, что одних и тех же людей судят второй раз. Тем более те, кто был

способен сопоставить, что их судят по другой статье, но практически по тому же самому обвинению. Только первый раз говорилось: «вы получили прибыль и не заплатили с нее налоги», а второй раз говорится: «вы получили прибыль и вы ее всю украли, вы украли не только прибыль, но и убыль», потому, что из дохода, который получает НК, как и любая другая компания, осуществляется огромное количество расходов.

Так вот обвинение анекдотично в частности тем, что их обвиняют даже не в хищении прибыли. А всего дохода. Всего, что заработала компания, всю нефть, которую она добыла, все Ходорковский с Лебедевым украли. Я не буду развивать эту часть обвинения, думаю, мои коллеги об этом скажут. Я только хочу сказать, что мы имеем дело с глубоко и в деталях продуманным планом, что делает честь людям, осуществляющим преследование, тем реальным людям, которые осуществляют руками бездарных исполнителей преследование Лебедева и Ходорковского. Они правильно решили предъявить сначала обвинение, которое позволяло им прибрать к своим рукам все активы ЮКОСа, потом обанкротить компанию, а потом, предъявив второе обвинение в хищении, повторно предъявить гражданские иски о возврате всего, так называемого похищенного имущества.

Любопытно, что все нефтедобывающие «дочки», которые продавали НК ЮКОС нефть и которые получали прибыль сверх себестоимости добычи и молчали и были довольны в течение многих лет, вдруг, как по команде, а фактически и действительно по команде заявили: «мы потерпевшие, верните нам то, что у нас украл этот мерзкий Ходорковский».

Хотя, если планировать обвинение в хищении, то ведь каждому понятно, что первейшие задачи государства - забрать под свою руку, под свою мудрую государственную и чистую, все имущество, которое удалось обнаружить, наложить на него арест и вернуть пострадавшим, тем, у кого это имущество было украдено. Ну и вы сами понимаете, что если бы попытаться соединить эти дела в одно производство, то глупость и абсолютная алогичность обвинения, были бы слишком очевидны. Вот поэтому и получилось так, что второго декабря 2004 года Ходорковского и Лебедева признали подозреваемыми по второму делу, в июне месяце 2005 года адвокатов предупредили, что состоится объявление обвинения по новому делу, а потом приняли мудрое решение – а зачем торопиться? Мы удалим этих людей подальше из Москвы. Потянем, что бы развести эти дела по времени, потом возбудим новое уголовное дело, и доберем, наконец-то, что не сумели добрать в первый раз.

К тому же по первому делу некоторые удивлялись, вроде бы прокурор просил 10 лет лишения свободы, районный суд дал меньше – 9 лет, а городской суд и вообще снизил наказание на год. Почему восемь лет удивлялись некоторые. Вроде бы действительно суд что-то судил, принимал во внимание какие-то обстоятельства. Чушь. Это было частью плана, потому что те кто, как в одном из интервью сказал Ходорковский, намеревался держать его в тюрьме до самой смерти, прекрасно понимали, что будет второе дело, по которому можно будет добавить ровно столько, сколько они захотят. И эту цель они пытаются реализовать сегодня.

В. КЛЮВГАНТ: Уважаемые коллеги, я вслед за Юрием Марковичем очень маленький сделаю экскурс. Пять неполных месяцев тому назад, 28 апреля, когда началось только то, что так красиво и громко называют представлением письменных доказательств стороной обвинения. В этом же самом месте мы назвали это действие безумным доказыванием безумного обвинения. И сказали тогда, что прокуроры, которые собираются сплошным методом читать огромный массив разрозненных документов, не объясняя, где они их взяли, и к чему они их читают, и все это безобразие они называют исследованием доказательств. Это такие прокуроры, для которых суд – неизбежная и неприятная формальность, потому что они уже давно все решили, приговорили Ходорковского и Лебедева. Им все понятно, о чем они, в общем-то, достаточно открыто и без стеснения говорят.

Стороне защиты они отвели почетную роль жертвы, которая на собственной казни присутствует, да еще и с кляпом во рту. Это мы сказали 28 апреля, пять месяцев назад. Сказали, что отсюда происходят и демагогия и откровенное хамство, и откровенная ложь со стороны прокуроров. А иначе как еще им выполнять задачу, которая перед ними поставлена. Задачу по осуществлению или продолжению, или, как угодно, завершению расправы над Ходорковским и Лебедевым. По зачистке всего, что сделано с ЮКОСом, я прошу прощения за сленг, просто приходится обращаться к терминам, отражающим наиболее точно все, что делает государство в лице государственного обвинения.

Тогда же мы сказали, что мы не собираемся эту плохую пьесу поддерживать и эту плохую роль статистов, которую нам отвели, играть не собираемся, собираемся бороться. Пять месяцев солировала сторона обвинения. То, что мы думаем по поводу доказательств стороны обвинения, мы написали на двух страничках – эти две странички у вас в папочках есть, вы можете все это увидеть и прочитать. Не доказали они ничего, что собирались доказать, но зато они опровергли свое собственное обвинение вполне успешно. Подробности, которые будут интересовать, мы с удовольствием поясним, когда будем отвечать на ваши вопросы.

Еще более короткий, но при этом емкий диагноз этому полугодю, с начала процесса прошло уже полгода, просто не сразу началось представление доказательств, поставил сам Михаил Ходорковский и на нашем сайте этот диагноз есть – «полгода и ничего по делу». Когда читали обвинение, мы спрашивали, а где про хищение нефти? Ответ – не скажем. Потом пять месяцев читали документы, которые называют доказательством. Мы спрашиваем – где про хищение нефти? Ответ – не скажем.

Я бы хотел сейчас прокомментировать эти пять месяцев солирования стороны обвинения, потому что, на мой взгляд, это логично. Они полностью подтвердили то, что мы сказали на старте этого этапа. Сторона обвинения показала на этом процессе, а я хочу напомнить, дорогие коллеги, что так сложилось, нравится это кому-то или не нравится, но это факт, что именно этот процесс, именно это дело задает в России стандарты судопроизводства и вообще правоприменительной практики по уголовным делам и не только. Потому что все технологии в нашем деле, которые опробуются, потом тиражируются по городам и весям, на всех уровнях и во всех масштабах.

Какие же стандарты установила или закрепила сторона обвинения за прошедшие пять месяцев? Как они относятся к базовому конституционному принципу состязательности и равноправия сторон? Что это значит? По Конституции это значит, что как сторона обвинения, так и сторона защиты перед судом абсолютно равны. У них все права одинаковые. Разница только в том, что у стороны защиты меньше обязанностей, а у стороны обвинения их больше. Это так трактует наша Конституция. Разница на самом деле в малости. Сторона защиты ничего не обязана доказывать, а сторона обвинения обязана не только доказать обвинение, которое она принесла в суд, но еще и опровергнуть все те сомнения, на которые ссылается сторона защиты. И только в этом случае, говорит Конституция и говорит закон, вина подсудимых может считаться доказанной.

Как это понимают прокуроры, задающие стандарты и пришедшие из Генпрокуратуры, один из них даже начальник, что-то вроде организационно-методического отдела. То есть, это человек, который учит всех остальных как правильно поддерживать обвинение в суде. Это Дмитрий Эдуардович Шохин. И два других полковника тоже из Генпрокуратуры. В-первых, деятельность адвокатов в целом и в частности нас, защитников и наших коллег по этому делу, без стеснения и не единожды названа противодействием правосудию и судопроизводству.

Какие последствия в виде организационных шагов они из этого сделают? Во всяком случае, это уже не раз продекларировано. В судебном заседании, под протокол, я подчеркиваю, не где-то в кулуарах. Состязательность в их понимании, это то, что им мешают, а они и есть правосудие. Поэтому мы противодействуем правосудию. Дальше. Встречаться и общаться нам наедине с нашими подзащитными незачем и нет в этом никакой необходимости. Достаточно того, что мы видимся через этот бронированный аквариум, там есть такая прорезь и туда можно клювиком просунуться и что-то там пошептать. Сколько еще человек тебя при этом слышат, об этом можно только догадываться. Вот прокурор Лахтин говорит, что вполне достаточно. «Мы же видим, что они конфиденциально общаются, - говорит он, - что они еще хотят вообще»?

Дальше. В этой связи я чуть-чуть отвлекусь от конкретно нашего дела, но здесь связь прямая, поэтому, думаю, мне это будет простительно. Не могу не прокомментировать просто блестящий законопроект, принятый в конце прошлой недели в первом чтении Госдумой о полном запрете использования адвокатами любых технических средств при посещении своих подзащитных в следственном изоляторе. Здесь история такая. Адвокаты очень долго бились и боролись с этим безобразием, потому что это опять состязательность. Следователь может туда принести все, что ему заблагорассудится из технических средств и привести туда любого человека, а защита не может ничего. И даже если в законе прямого запрета не было до сих пор, вот до этой поправки, то практика была именно такая – на входе все отдай. Отдай телефон, диктофон, компьютер, фотоаппарат, все-все-все, что принес. Даже флешкарту отдельно от всего пронести было нельзя.

Адвокаты долго с этим боролись и добились решения Верховного суда, два решения суда, которые сказали, что это незаконное ограничение. Вот вам ответ законодателя – ничего нельзя. В первом чтении уже принято, я думаю, достаточно быстро все будет доведено

до всех остальных чтений. Потрясающая аргументация того, почему нужно принять эту поправку. Оказывается сил у охранных сил надзирательных служб СИЗО недостаточно, чтобы бдеть за всеми адвокатами, что они там делают во время свиданий со своими подопечными. Поскольку надзирателей недостаточно или у них глазки устали, значит нужно запретить. Это такая аргументация, которая приводится законодателями в поправке. Что на самом деле здесь? Совершенно очевидно, что речь идет об усилении односторонних преимуществ стороны обвинения, которая и так значительно сильнее, особенно в досудебной стадии, когда идет следствие. На самом деле, она, по практике, никакая не сторона, она просто использует всю силу государства, чтобы добиться своей цели, а потом с этим прийти в суд. И в суде еще продолжать.

Я рискну предположить, что тут есть и другой мотив. Поправка эта коррупционную экспертизу не проходила, по крайней мере, ничего об этом не сообщалось, а хорошо известно какой разветвленный доходный бизнес делается в этих местах. На коммуникациях, на телефонных звонках, с оплатой этой услуги людям в погонах, на свиданиях с разными людьми.

Вот нам, например, в связи с делом Ходорковского на читинском этапе, пришлось столкнуться даже с фактом, когда ребенок появился у людей, между которыми официальных свиданий никогда не было. Понятно, что это хороший доход, приятное дополнение к государственной службе. Надо его всячески закрепить. Принимается закон. Госдума уже решила все другие проблемы нашей с вами жизни, и теперь она озаботилась тем, что бы эту ситуацию углубить и закрепить. Это к вопросу о состязательности и равноправии сторон, поскольку я уверен, что любой из обвинителей по нашему делу целиком и полностью поддерживает эту законодательную поправку. Только они с вами боятся разговаривать, а иначе объяснили бы, почему она правильна и на пользу правосудию.

Дальше. Вот несколько высказываний государственных обвинителей по нашему делу. По поводу той же состязательности и прав стороны защиты. «Ходорковский, - говорит прокурор Ибрагимов, - Ваше мнение здесь никого не волнует». Это говорится во время судебного заседания. «Лебедев, - говорит она же, - все бесполезно. Что мы запланировали, то и сделаем». Прокурор Лахтин несколько раз предъявил Ходорковскому, что он игнорирует доводы следствия, которые содержатся в обвинении и в обвинительном заключении. То есть, он смеет не соглашаться с тем, что наврали в двухстах томах. Но это, же ужасно.

Еще одно из этой же серии. «Доказательства, которые мы приводим суду, полностью соответствуют обвинительному заключению», говорят они. Такая Фрейдовская оговорка. Сначала создали обвинение, а потом в суд принесли доказательства, которые этому обвинению соответствуют. Не обвинение соответствует объективным доказательствам, которые они искали и нашли, а наоборот. А те, которые не соответствуют, они говорят, мы вам их не покажем. Мы заявляем ходатайство, говорим, вот вы в 2005-2007 годах изъяли огромное количество документов, вы их не вернули, вы их к делу не приобщили, а они имеют огромное значение, они опровергают ваше обвинение – дайте! Нет, не дадим. Мы

ходатайствуем перед следствием. Отказ. Мы ходатайствуем перед судом. Они встают и говорят: и Вам, Ваша честь не дадим, потому что они не имеют отношения к данному обвинению, а того, что мы принесли достаточно для подкрепления вины. Вот и вся состязательность и все равноправие.

Теперь гласность. У нас же процесс открытый. Вы, кто освещает процесс, с этим сталкиваетесь. «Публика с маргинальным оттенком, которая вообще никто» - это заявление и его вариации звучали многократно по отношению к людям и журналистам и не журналистам, и в том числе к лучшим людям страны, которые ходят на процесс. Ну а уж про трансляцию я даже не говорю. С какой помпой мы начинали, у нас были камеры, мониторы, целый зал для прессы с огромными мониторами. Все это продержалось месяц, потому что каждое живое слово бесит и раздражает всех, кто в этом процессе выступает от имени государства. А почему? Потому что оно высвечивает идиотизм обвинения и такой же идиотизм того, что они называют доказательствами.

Еще одна цитата: «договоры о поставках нефти подтверждают обвинение в хищении нефти». Договор, по которому одна сторона продала, а другая купила и заплатила – это доказательство хищения. Когда это выходит за пределы зала судебных заседаний и начинает комментироваться соответствующим образом, это смешно, если б не было так грустно. Потому что так собираются судьбу людей решать, так зачем же давать возможность комментировать? Поэтому так боятся любого живого слова.

Точно также хищение нефти доказывается телефонным справочником. Просто берут и читают телефонный справочник, и говорят – это доказательство обвинения. Или переписка о том, куда положить ключи от офиса или от квартиры, я уж не помню. Но это тоже доказательство обвинения. Или как тасуют людей. Есть же очень много дел искусственно раздробленных. Из одного дела ЮКОСА сделана масса дел. Все про одно и то же. Для чего это делается? Чтобы манипулировать. В одном деле одно напишем, в другом другое, там маленький кусочек протащим через суд, это они говорят преюдиция. У нас же есть приговор, где все сказано, теперь в этом суде мы обсуждать эту тему не можем.

Один только вам пример, таких примеров масса, все везде противоречит. Есть такой человек, испанский подданный, его зовут Антонио Вальдес-Гарсия. Человек, который приехал, поверив нашим правоохранителям, что с ним хорошо обойдутся. С ним просто поговорят, он даст показания, которые сочтет нужным и поедет себе обратно. Его тут пытали, заперли, прятали где-то, потом он со страшными травмами оказался в больнице, потом через некоторое время умудрился как-то от этой опеки сбежать и вернуться в Испанию, где уже отказано РФ в его экстрадиции, даже в запуске процедуры отказано. Так вот, этот человек подал заявление о преступлении, которое против него совершенно, против пыток. В России сначала подал, потом, наверное, и в Испании подаст. Как законопослушный человек он сделал это в России. Он получил ответ. В ответе сказано, что он напился, находясь под охраной ОМОНа, уснул на подоконнике, выпал в раскрытое окно, при этом упал на вытянутые ноги и при падении получил двухсторонний перелом челюсти. Пожалуйста, смоделируйте себе эту ситуацию. Среди прочего множество других травм.

В этом шедевральном документе, помимо этого написано, что в обвинении Гарсии Ходорковский не признан его соучастником. Люди обвиняются в одном и том же. Подписано это каким-то подполковником высокопоставленным из следственного комитета.

Вот сопоставим, что с этим со всем делать. С этими обвинениями, враньем от имени государства. Вот за это же все придется отвечать, поэтому люди понимают и, если Михаил и Платон философски относятся к своей ситуации, то они борются и дерутся каждую минуту за свою свободу и за правду. Эти люди понимают, что рано или поздно на все вопросы нужно будет ответить. Они отбросили не только закон в сторону, они отбросили элементарные этические нормы, и здравый смысл. Все что делает человека человеком, а профессионала профессионалом. Поэтому там, где подписи нет, они спокойно врут суду, что подпись есть. Там, где написан лондонский адрес: улица Виктории Роуд, они говорят, документ подписан или адресован Виктории Роуд. Каждое в отдельности – это смешно, я согласен, но когда берешь вместе, то становится не смешно, а страшно. Страшно потому что две судьбы так решаются, и это может коснуться в любой момент любого из нас, из вас, любого из прохожих. И уже касается. Вот что мы имеем на сегодняшний день во втором процессе.

Е.ЛИПЦЕР: Я буду коротко говорить о ситуации со Страсбургским судом. С самого начала процесса, видя те нарушения, которые допускались в отношении Платона Лебедева, мною была подана жалоба в Европейский суд еще в январе 2004 года, то есть еще до начала процесса в Мещанском суде. Михаилом Борисовичем чуть позже была подана первая жалоба. Но я хочу сказать о том, что Европейский суд по правам человека уже признал нарушения в отношении Платона Леонидовича Лебедева, признал некоторые периоды незаконного его содержания под стражей, нарушения процедуры избрания ему меры пресечения в виде заключения под стражу. Жалоба Михаила Борисовича признана приемлемой и, видимо, по ней тоже будет решение в ближайшее время.

Но основными мы считаем жалобы, поданные уже после того как был вынесен приговор Мещанским судом. Мы обосновывали несправедливость Мещанского суда, нарушение права равенства сторон в процессе, злоупотребления властью. И мы ставили вопрос о нарушении статьи №6 Европейской конвенции, которая гарантирует право на справедливый суд. Так же статьи №18, которая запрещает злоупотребление правами, то есть уголовное преследование не в тех целях, в которых оно предназначено в государстве. По статье №18 есть прецедент в деле «Гусинский против России», где было признано, что государство, заключив его под стражу, злоупотребило своими властными правами, давило на него и вынудило отказаться от своего бизнеса. Правительство РФ ответило на это в своих меморандумах. Все отрицалось, естественно, даже невзирая на доказательства, которые мы приводили в виде протоколов судебных заседаний. Естественно, наши власти пытаются сказать, что все было справедливо, что никакие права не были нарушены. Хотя во всех ходатайствах того процесса было отказано, так же как это делается и сейчас. И не были приняты во внимание показания ни одного специалиста, которые выступали в защиту наших подзащитных и выступлениями которых мы доказывали их невиновность.

Жалобы эти коммуницированы и у нас есть большая надежда, что эти жалобы будут рассмотрены до того, как Хамовнический суд вынесет приговор по второму уголовному делу. Тогда признание нарушения статьи №6 Европейской конвенции в соответствии с УПК влечет отмену первого приговора, и будет тогда очень интересная ситуация. Прецедентов таких пока в РФ нет, чтобы выносился приговор по второму уголовному делу, а по первому был уже отменен. Но это пока только наши надежды, очень хочется верить, что это произойдет.

Уже поданы также жалобы в Европейский суд в отношении вторых обвинений. Они были поданы довольно быстро, после того как были предъявлены обвинения, и мы там говорили о том, что было нарушено уже право на защиту. Поскольку более двух лет шло расследование уголовного дела и наши подзащитные не знали в чем конкретно они обвиняются, по каким обвинениям это расследование идет, и таким образом они были лишены основного права на защиту. Такая ситуация сейчас в Европейском суде. Вот наш подзащитный Платон Леонидович Лебедев, конечно, очень надеется на решение Европейского суда и с большим нетерпением его ожидает.

НЕМЕЦКОЕ ТВ: Скажите, пожалуйста, что дальше будет на процессе? Кого из свидетелей вы будете приглашать? Как вообще, по-вашему, будет развиваться процесс? Сколько он будет длиться и какие, по-вашему, перспективы?

Ю. ШМИДТ: Дело в том, что алгоритм развития процесса предусмотрен законом и более того, сторонам предоставляется право продекларировать то, как они представляют себе предоставление доказательств. И сторона это уже сделала. Значит, дальше будут вызваны свидетели со стороны обвинения. По обвинительному заключению их 250 человек, но предполагаем, что их будет меньше. Это первый этап.

Далее. Если они не заявят, что хотят дополнительно огласить какие-то документы, может быть пригласить экспертов. Правда, как мы не настаивали на первом процессе, ни один эксперт со стороны обвинения не пришел. Может быть, придут переводчики. То есть следующая стадия – это вызов свидетелей. Когда закончится стадия предоставления доказательств стороной обвинения, бразды правления, условно говоря, будут предоставлены нам. Действия будут примерно такие же. Скорее всего, в начале судебного разбирательства этого этапа Михаил Ходорковский даст свои показания, Платон Лебедев даст свои показания, будут представлены письменные доказательства материалов дела или те, которые мы будем инициировать, соответственно будут представлены участниками процесса.

После этого будет представлен блок свидетелей и специалистов с нашей стороны. Когда закончится судебное следствие, будет предоставлено право выступить в прениях сначала стороне обвинения, потом стороне защиты. Если не будет ходатайства о дополнении судебного следствия, то суд удалится на вынесение приговора.

Я знаю, традиционный вопрос: «а когда вы предполагаете это закончится»? Я не понимаю смысла этого вопроса. Вы что к этому времени каникулы возьмете или наоборот

мобилизуетесь? Это очень трудно сказать. Мы заявили суду, что мы хотели бы, чтобы свидетели защиты в количестве 500 человек были бы так же вызваны. Там и действующие и бывшие чиновники, которые контролировали нефтяной комплекс. Не знаем как это будет происходить, по крайней мере, категорического «нет» от суда мы не услышали. Хотя представить себе, что придет г-н Путин или г-н Медведев в российских условиях это антинаучная фантастика. Поэтому, если придет хотя бы часть этих свидетелей, то процесс будет длиться значительно дольше.

Привожу пример. В первом процессе мы допрашивали одного свидетеля в среднем один день. Полдня - обвинение, полдня – мы, с предоставлением документов, с перекрестным допросом. Поэтому по самым скромным оценкам мы предполагаем, что вынесение приговора может быть не раньше весны 2010 года.

ШВЕЙЦАРСКОЕ ТВ: Может быть, я не совсем понял, Европейский суд принимал жалобы по поводу первого дела? А когда результат?

Е.ЛИПЦЕР: Дело в том, что жалобы поданы были поданы уже давно, и прошла стадия коммуникации по ним. Европейский суд задал вопросы правительству РФ, и оно в лице уполномоченного РФ уже ответило. Теперь дело за ЕС, чтобы принять уже по этим жалобам решение. Как скоро это будет сделано мы не знаем. ЕС никогда никакими сроками себя не ограничивает. Мы надеемся, что в обозримом будущем это будет сделано, но более конкретно пока трудно сказать.

Ю. ШМИДТ: Недавно как раз ваши швейцарские коллеги перед поездкой Медведева в Швейцарию задали ему вопрос – почему Россия не ратифицирует 14 протокол от Европейской Конвенции, который, как известно, позволяет значительно упростить и ускорить процедуру прохождения дела в Страсбурге. Г-н Медведев сказал, что это не его дело, это вопрос Госдумы, у нас же, как вы знаете, демократия и разделение властей. Вот почему-то Госдумы не рассматривает этот протокол, как только она соберется, тогда конечно сразу.

Е.ЛИПЦЕР: Сегодня сделали заявление, что вроде бы будет Дума в ближайшее время возвращаться к этому.

В.КЛЮВГАНТ: Грызлов сделал заявление о том, что многое прояснилось, теперь и они возвращаются к вопросу о протоколе №14. А президент сказал: «Дума у нас не место для дискуссий». Мы это помним.

ЖУРНАЛИСТ: Понятно что заранее обвинение не говорит, каких свидетелей будет вызывать, тем не менее, защита наверняка ознакомлена со списком этих 250 человек. Кто из крупных чиновников или бывших сотрудников ЮКОСа есть в этом списке?

В.КЛЮВГАНТ: Крупных чиновников федерального уровня там, разумеется, нет. И странно было бы, если бы они там были. Они есть в нашем списке, который следователи спрятали и не приобщили к обвинительному заключению. Теперь мы должны будем

индивидуально и вопреки закону обосновывать каждое лицо из этого списка. В то время как сторона обвинения этого делать не должна, поскольку их список включен сразу. Там есть бывшие чиновники регионального уровня, есть большое количество в основном бывших сотрудников ЮКОСа. Практически все там бывшие. Есть люди из числа руководства аудиторской компании «ПрайсУотерхаусКупперс», тоже уже не все ныне действующие, есть руководители из числа юридических компаний, которые оказывали юридические услуги ЮКОСу, а потом подверглись такому же нападению и растерзанию, как и «ПрайсУотерхаусКупперс».

ЖУРНАЛИСТ: Как можно сравнивать первый процесс и второй? Лучше? Хуже? Много жалоб было, есть ли какой-то прогресс?

Ю. ШМИДТ: В первом процессе МБХ был немного наивным человеком. Я хорошо помню нашу первую встречу в следственном изоляторе в феврале 2004 года, когда как и многие другие я задал ему вопрос: «Михаил Борисович, зачем Вы вернулись в эту страну?».

Многим, наверное, известно, что Платона Лебедева арестовали в июне 2003 года и тогда же на сайте прокуратуры РФ появилось постановление о предъявлении обвинения, прочтя которое можно было сразу сделать вывод о том, что без Ходорковского это дело не пойдет. Ходорковского боялись арестовывать тогда, боялись бурной реакции мировой общественности. Потом рынок хотя и реагировал некоторое время негативно после ареста МБХ, но западная общественность как и руководители западных государств того времени вполне смирились и никаких демаршей не предприняли. И Ходорковский, который в это время выезжал за границу и возвращался в Россию, в конце концов был арестован. У него не изымали загранпаспорт, они очень хотели, чтобы он стал эмигрантом. Тогда значительно легче проводить процесс, значительно легче грабить и растаскивать собственность. И вообще, человек, который остался за границей, он как бы становится на одну доску с Березовским и с другими людьми, которые не пользуются симпатией в России.

Я спросил МБХ – зачем вы приехали? Он сказал, Юрий Маркович, но я же не виновен. Я говорю, я убежден, что вы не виновны, но это Россия и это будет российское правосудие. Тогда еще не использовали «басманное правосудие». Он сказал, но они же ничего не смогут доказать, они мне ничего не могут предъявить. Весь процесс проходил и даже Платон Лебедев, вы видите какой он энергичный сейчас, а Ходорковский наивно считал, что в этой стране есть правосудие и, что если доказательства обвинения не существует, то и не нужно ничего особого предпринимать. Обвинение должно доказать, оно должно представить доказательства, а мы то тут при чем? И лично меня он сдерживал от многих активных действий.

Сегодня он понял, с кем и чем он имеет дело. Он ведет себя совершенно иначе. Это плотная защита. Это защита, в которой мои коллеги и сами подсудимые не прощают ни обвинению, ни суду никаких нарушений их прав. Поэтому этот процесс проходит более напряженно, более драматично, более интересно. И несмотря на все унылые комментарии, объясняемые нечетким переводом интервью МБХ иностранным изданиям, и он, и Платон совсем себя

не похоронили. Они не сдались, они борются и борются очень активно. Вот в этом для нас основное различие между первым и вторым процессом. Не говоря еще и о том, что в первом процессе наблюдателям было довольно трудно разобраться в сути обвинения и понять почему налогообложение во внутренних оффшорах применяется льготное, хорошо ли это, а может быть они действительно с налогами какие-то махинации учиняли. Я знаю. Когда я разговаривал с людьми, не только с журналистами, я видел в их глазах определенное сомнение. Сегодняшнее обвинение настолько бредовое по своей сути, что двух минут и демонстрации нескольких фраз из официального документа достаточно, что бы люди сказали – этого просто не может быть. И когда мы вам тут говорим, вы можете себе представить, что на глазах у всего честного мира Ходорковский и Лебедев украли 350 миллионов тонн нефти, все что было добыто за шесть лет. И когда об этом говоришь, простите, ЮКОС не имел никаких других доходов, кроме как от продажи нефти, развивалась добыча, геологоразведка, развивалась инфраструктура. 140 тыс. человек получали зарплату. Акционеры получали дивиденды. За счет чего? За счет прибыли, за счет дохода, полученного от продажи нефти. Оказывается, все было украдено. Не случайно и Ходорковский, и Лебедев с самого начала процесса, когда им предъявляли обвинение, просили – будьте любезны разъясните нам, в чем вы нас обвиняете, потому что понять людям высочайшего интеллекта и специалистам в своем деле, понять в чем их обвиняют. Вот и в этом тоже отличие второго процесса от первого.

ЖУРНАЛИСТ: Какое-то влияние Медведева замечали?

В.КЛЮВГАНТ: Что тут замечать? Его несколько раз спрашивали, не менее трех раз, ваши коллеги. Отечественные журналисты не решаются задать своему президенту такой вопрос, видимо, это им чем-то угрожает, а иностранные решаются. Но ответ всегда последовательный – у нас независимый суд и он во все разберется. Президент не может вмешиваться и никакой другой чиновник не может вмешиваться. Замечательные слова, если бы возможность суда быть независимым в этом деле сохранялась. Пока мы видим прямо противоположную картину. Президент Медведев сказал еще одну вещь, что для того чтобы думать о каком-то снисхождении к Ходорковскому по первому приговору, по которому он сейчас отбывает, нужно чтобы он сначала раскаялся. В какой Конституции это найдено? В каком законе? Он не объяснил.

Ю.ШМИДТ: Медведев беседуя со швейцарскими журналистами произнес замечательную фразу. «Да, у нас еще с правами человека обстоит не вполне стерильно. Да, действительно права человека у нас еще зачищены не все. Еще какие-то отдельные свободы остались». Он, видимо, и сам не понял двусмысленность этой фразы, он еще считает, что у нас действительно независимые. Правда, я думаю, что он сам никогда никакой команды судам не давал. Есть окружение, которое знает как выполнять монаршею волю. Медведев, наверно, этим делом не руководит. Ему это дело оставили в наследство. Это, может быть, тоже входило в часть плана, почему не сразу предъявили второе обвинение, а столько времени протянули и начали суд уже при Медведеве. Мы не исключаем и такого варианта.

ЖУРНАЛИСТ: Какой будет судьба Коралово?

В. КЛЮВГАНТ: В обвинение это место не фигурирует. По крайней мере, лицей, где учатся дети, потерявшие родителей или одного родителя, они не написали, что какие-то преступные действия там совершались. Хотя помнится, что когда начиналось дело ЮКОСа, то подозревали, что там что-то такое страшное прячут среди детей. Какова будет судьба зависит, конечно, от государства, которое всякие разные посылы посылало. Вот была история ужасная, когда опекуны детей, учащихся в Коралово, стали получать налоговые уведомления о том, что они получают косвенный доход, что они не платят за обучение. Поэтому нужно уплатить налоги, сказали им. Потом, когда это стало достоянием гласности, все же кто-то сообразил, что там есть бесланские дети, дети погибших пограничников, там, в основном, такие с тяжелой судьбой. Остановили эту вакханалию.

Что будет дальше сказать сложно, но я хочу подчеркнуть, что Коралово держится на энтузиазме двух очень не молодых людей Бориса Моисеевича Ходорковского и Марины Филипповны Ходорковской. И дай Бог, чтобы у них были силы продолжать это благороднейшее дело вопреки всему, что происходит и с их сыном, и вокруг лицей. Мы, конечно, помогаем им и будем помогать.

Ю. ШМИДТ: На те деньги, которые МБХ вложил в этот лицей, в свое время он мог бы построить яхту, перед которой Абрамович бы умер. Он мог бы купить Мадридский Реал, не то что лондонское Челси. Но Абрамович друг сами знаете кого, а Ходорковский неправильный олигарх, не туда деньги вкладывал.

РАДИО СВОБОДА: Защита заявляла, что мобильные телефоны адвокатов прослушиваются Федеральной службой безопасности. Сейчас как-то изменилась ситуация? И была ли какая-то реакция на заявление?

В. КЛЮВГАНТ: О том, что ведется оперативное сопровождение, сказали не мы, а наши оппоненты и не только сказали, но и написали во множестве документов, и не только со стороны ФСБ, но и со стороны МВД, но еще и со стороны Федеральной службы исполнения наказания. Так, что это совсем не наша находка, в суде это звучало с их стороны и из их документов. Мы это чувствуем. И контроль за нами, когда мы участвуем в дорожном движении, например. А реакция какая? Никто из прокуроров этого не опроверг. Шохин сказал, что он лично такой команды не давал. Думаем, наверняка не давал, а другие просто промолчали. Я не могу сказать в данную минуту, чей телефон из нас прослушивается, или все прослушиваются. Нам не сообщают, в какой момент кого и как контролируют через компьютер. Это же вопрос технической квалификации и творческого подхода к делу. Мы имеем основания считать, что о нас постоянно заботятся.

Ю. ШМИДТ: Доказать прослушку своими силами мы, конечно, не можем, но наш опыт и наши некоторые эксперименты убеждают нас в том, что мы находимся под постоянным колпаком.

В. КЛЮВГАНТ: Дело то в том, что никто этого не опровергает, а мы вот для того, что бы ответить так, как вы хотите, должны людей подставлять.

Ю. ШМИДТ: Я в свое время в Высшей школе МВД все эти вещи изучал и сдавал по ним зачеты. Поэтому мы отлично знаем все эти признаки. Люди получают за это деньги. Государство ставит определенную оперативную задачу. Мы не занимаемся поисками жучков, мы можем потратить определенные силы и средства, что бы его найти, но лучше от этого не будет, в одном месте уберем, в другом появится.

ЖУРНАЛИСТ: Не появились ли какие-то доказательства влияния первых лиц государства на это дело?

В. КЛЮВГАНТ: Мы это обсуждали и прямые доказательства со стороны высшего должностного лица, главы РФ были приведены. Я приводил его высказывания и ответы его. А что вы еще хотите? Поскольку это преследование в целом ведется от имени государства, понятно, что не те люди, которые принимают сторону обвинения, принимают решения, а люди, занимающие позицию власти, принимают решение.

ЖУРНАЛИСТ: Может быть, обнаруживаются документы?

В. КЛЮВГАНТ: Наше дело не состоит из документов, оно состоит из копий, а порой еще и из копий с копий, даже незаверенных. Какие тут могут быть признаки влияния высших должностных лиц? Ну да, в каком-то письме прозвучало, и прокурор вовремя услышал и не прочитал вслух, но мы это прочитали в своих копиях, якобы Сечин сказал, что Минюст покрывает что-то, чьи-то действия, но это не новое. Не новый документ, этому документу уже наверное лет пять от роду. А мы не ждем таких находок. Сомнений то никаких нет. Все происходящее говорит о том, что это расправа, когда это не расправа, сначала есть факт преступления, что-то было, а потом этого не стало, а потом этот факт начинают исследовать, устанавливать, как пропало, где, что, кто причастен и если причастно несколько, то в чем роль каждого. Это так, если нормально происходит процесс раскрытия и исследования преступления, и так собираются доказательства. А когда расправа – намечена жертва и приговорена заранее, а потом под это решение подгоняется подтасовка. Все, что мы рассказали, иллюстрирует именно этот подход.

Ю. ШМИДТ: Применительно к первому делу, основным звеном была приватизация «Апатита». ГП несколько раз проверяла вопросы, связанные с приватизацией и выполнением инвестиционной программы и поэтому сделала несколько заключений. Одно из заключений в виде докладной на имя президента Путина подписывал Устинов. В деле этого письма не было. Заключение, что ГП проверяла отношения связанные с ЮКОСом и «Апатитом» и пришла к выводу, что нет оснований для вмешательства ГП. Письмо это было датировано весной 2003 года. Письмо это нам приобщить к материалам дела не удалось, прокуратура тоже не приобщила, несмотря на то, что летом 2003 года началось уголовное преследование ЮКОС и его руководителей. Соответственно позиция ГП поменялась ровно на противоположную.

В. КЛЮВГАНТ: Почитайте уже опубликованные фрагменты книги Касьянова [«Без Путина» - ПЦ], вот там вы найдете много иллюстраций от очевидца событий.

ЖУРНАЛИСТ: Защита выражает надежду, что свидетели обвинения все же явятся в суд и под присягой дадут показания. Кроме Алексаняна, на которого оказывалось давление, есть ли у вас данные, что на кого-то еще оказывалось также давление?

Ю. ШМИДТ: Помимо Алексаняна о том же давлении говорил, и сумел доказать факт давления, упоминавшийся Антонио Вальдес-Гарсия. Какое давление на него оказывали, говорил в своем уголовном деле Пичугин, ну и по поводу Алексаняна совершенно неожиданно давал показания, подтверждающие слова Алексаняна г-н Довгий, бывший начальник Главного следственного управления. От этих фактов уже ни куда не деться, они закреплены, многие ли из свидетелей, которых мы планируем вызывать, решатся на то чтобы сказать об оказываемом на них давлении, не знаю, но вам, как человеку который наблюдал за ходом первого процесса, не раз приходилось слышать об этом. Почему прокуратура не прекращала и не прекращает это дело? Постоянно что-то выбирая, направляя в разные судебные инстанции, она все время держит возбужденное дело. У нас были факты, что по первому делу перед явкой по повестке свидетелей в ГП им производили своеобразную «накачку», напоминая, что им необходимо подтвердить те данные, которые они давали на предварительном следствии. Это мы слышали от целого ряда людей, которые говорили это нам доверительно, но которые слишком боялись того, чтобы сказать об этом вслух. Потому что многие бывшие менеджеры ЮКОСа, которые сейчас находятся за границей, смею вас уверить, они уехали туда не потому, что они совершили преступление и боятся отвечать, они боятся нажима, под которым они смогут дать показания ложные и проявят слабость и не сумеют вести себя достойно. Потому что требовать героизма можно не с каждого, и тот же Василий Алексанян, очень порядочный по сути своей человек, долгое время не говорил об этом и решился рассказать, только когда уже его собственное состояние здоровья и все остальное сняли опасение за эти правдивые слова.

ЖУРНАЛИСТ: О защите прав заключенных и о стерильности прав человека у нас в стране. Вот осознаете ли вы, что защищая Михаила Борисовича и Платона Леонидовича, вы защищаете права всех заключенных, да и не только заключенных у нас в России. Не считаете ли вы, что это дело дает отмашку судебному произволу в современной России?

В. КЛЮВГАНТ: Несомненно, мы это понимаем, и уже в своем выступлении здесь я говорил, что этот процесс задает стандарты в правоприменительной практике. Мы всегда это учитываем, и я могу вас заверить, что, во-первых, некоторые решения, которые приняты Верховным судом по инициативе Михаила Ходорковского, приносят облегчение и другим его товарищам по несчастью, отбывающим наказание в местах лишения свободы. Такие конкретные факты есть. И, во-вторых, Ходорковский и Лебедев никогда не допустят никакого действия, которое даже может быть выгодно им, но которое добавит риска их товарищам по несчастью.

Ю. ШМИДТ: В обжаловании приказов министерства юстиции я принимал личное участие, и мы еще в краснокаменской колонии с Михаилом Борисовичем обсуждали вопросы подачи таких жалоб. Нам удалось добиться признания незаконным приказа о том, что свидания с адвокатами у заключенных колонии могут случаться только после работы и не в выходные. Само собой он должен отработать, и кусочек маленький, который остается

до отбоя, в это время встречаются с адвокатами. Когда я показал Михаилу Борисовичу проект этой жалобы, он мне сказал – это касается всех. Многие жалуются. Адвокатам трудно работать, людям трудно получать юридическую помощь. Вы можете попробовать эту жалобу от имени какого-то другого человека. Потому, что если подать от моего имени, то это верный путь обречь ее на отказ. Это дело одно из немногих, которое нам все же удалось выиграть, но это слишком противоречило и кодексам и конституции и другим федеральным законам, но они оба уже понимают, что они на сегодняшний день уже не просто Ходорковский и Лебедев, они стали символами и функциями, и на них смотрят люди, и что от исхода их процесса зависит очень многое в правовой системе России, которая за последние годы, особенно за последние путинские годы, все больше и больше превращалась в систему авторитарного полицейского государства. И мы всей командой защиты ощущаем себя на передовой линии и ощущаем свою ответственность, поскольку мы понимаем, что мы выполняем нечто большее, чем просто защищаем людей.

ЖУРНАЛИСТ: Скажите, пожалуйста, вы не могли бы оценить состояние общественного мнения и его эволюцию в течение первого и второго процесса, здесь в стране и за рубежом. И как оно, помогает или нет.

Ю. ШМИДТ: Мне довелось принимать 10 лет назад участие в деле, которое не сходило с полос всех западных изданий – это дело капитана Александра Никитина, которого обвиняли в государственной измене. Это было еще в ельцинский период. И я обращал внимание на то, какое отношение у высших государственных служащих разных стран. Клинтон поздравил Никитина с присуждением ему высшей экологической премии. Ширак выступал в его поддержку, все парламентские и межпарламентские организации приняли резолюции. Из моего кабинета просто не выходили депутаты национального собрания, Бундестага, послы и даже министры. Это притом что Ельцин пообещал и сдержал свое обещание – не оказывать давление на ход суда. ФСБ – это да, пыталась давить на суд, но администрация президента была нейтральна. Сегодня, с моей точки зрения, Запад ведет себя преступно недальновидно. Под его боком создается новый авторитарный государственный монстр, не обладающий такой опасностью, какой обладал СССР, но вполне способный кусаться и вполне способный противостоять начинаниям гуманитарным, и мирным начинаниям и объединенной Европы, и других мировых стран. Железного занавеса нет, и мы вам помогать не будем – живите, как хотите. Объяснить, что нам помогать не нужно, это вам нужно, чтобы в России была демократия, открытость, предсказуемость и стабильность. Вам нужно иметь такого партнера, и поэтому ослаблять свои усилия в защите прав человека преступно. Запад, по-моему, еще не осознал, что Россия до 2003 года, до дела ЮКОСа, не только из-за этого дела, это просто рубеж такой, и Россия после – это две разные страны. Это Буш успел заглянуть в глаза Путину еще в начале его правления и так все последующие годы до 2008 года он жил в иллюзии, что он в этих глазах увидел чистую душу и чистые намерения. И объяснить кому-то, что Путин первые два года по инерции проходили какие-то реформы - Дмитрий Козак за это отвечал - пробовали произвести в стране многие структурные изменения в разных сферах; и то, что все закончилось в 2003 году и пошло назад. Очень бы хотелось, чтобы все было иначе, но равнодушие, которое мы встречаем, приезжая и беседуя с редкими влиятельными лицами западного мира. Г-н Штайнмайер неожиданно пригласил меня год

назад на аудиенцию и полтора часа терпеливо выслушивал все, что рассказывал по этому делу. Но так получилось, что я наивный человек только потом понял, что это наследник Шредера, а Шредер еще тогда, будучи Канцлером, стал вторым по значимости другом Путина, а первый друг – Берлускони, друг, конечно, и Джордж. А сейчас в Бундестаге кастрировали резолюцию, внесенную «зелеными» и «свободными демократами». Я видел первоначальный проект, они убрали самые острые места. И я еще раз говорю представителям СМИ Запада – вы хотите иметь в Европе такое государство, которое будет учитывать исключительно свои интересы и будет идти вразрез с чаяниями свободного мира и иначе совершенно реагировать на странные вызовы, которые нам иногда бросают страны-изгои, тогда молчите, пусть ваше общество мирно спит. Это значительно проще, чем выходить на активные акции против того, что происходит не рядом со мной и не со мной лично вообще.

В. КЛЮВГАНТ: Мы, адвокаты, считаем работу с общественностью важнейшим критически важным, неотъемлемым от защиты в целом делом, поскольку не только по причине резонансного отношения к делу, но и по причине более прагматичной, мы не можем допустить, чтобы наши подзащитные оказались в забвении, потому что, если не дай Бог это случится, можно ждать всего. Поэтому мы ставим и исполняем эту задачу, как приоритетную, несколько не меньшую, чем сама защита. Когда начиналось дело ЮКОСа, поддержка россиян и сочувствие измерялись, по данным наших социологов, которым можно доверять, потому что они независимые, где-то цифрой 12% по состоянию на 2004 год. Сегодня эта цифра удвоилась и составляет примерно около четверти, участвующих в опросе. Это та часть населения, которая обладает информированностью и какой-то гражданской позицией. Сегодня уровень поддержки составляет где-то 23-25% и он превышает совокупный уровень поддержки всех оппозиционных политиков в России вместе взятых. Я не к тому, что мы должны гордиться. Это просто такой факт реальности, который свидетельствует о состоянии гражданского общества, безусловно, очень тяжелого сегодня в России. Но он также свидетельствует о том, что у людей наступает понимание, что дело ЮКОСа – это не только проблема Ходорковского и Лебедева. Это проблема каждого и всех вместе. И хотелось бы, чтобы это понимало еще больше людей, как в России, так и во всем мире. Не важно, лидеры это элита или простые люди. Это то к чему мы очень стремимся.

ВЕДОМОСТИ: Насколько я понимаю, с понедельника начнется вызов свидетелей. И пока не обнародовано, кого вызовут. Вопрос: когда это станет известно?

В. КЛЮВГАНТ: Мы заявляли ходатайство о том, чтобы стороной обвинения, поскольку это их свидетели, был установлен график вызова свидетелей в суде, или чтобы сторона обвинения информировала и нас, и суд о том, кого и когда они собираются приглашать из 250 свидетелей. Там есть, конечно, свидетели разного калибра. Есть такие, к допросу которых неплохо было бы быть готовыми, а чтобы быть готовыми нужно достаточно большой массив документов посмотреть, их предыдущие показания и так далее. Нам отказано и в первой и во второй части этого ходатайства. Сказали, что не будет никакого права на защиту, это будет для вас экспромтом. Поэтому, боюсь, что об этом не будет

известно до тех пор, пока каждый из свидетелей не будет появляться в зале или нам не будет сообщаться, что он заболел или уехал в длительную командировку.

ЖУРНАЛИСТ: А это традиционно?

В. КЛЮВГАНТ: Нет какой-то единой практики, бывает по-разному, но просьба, с которой мы обращались к суду, абсолютно нормальная, разумная и, в общем-то, так и делается. Конечно, бывает, что в силу тактики какая-то сторона хочет сделать сюрприз. Но в этом деле, где все показания получены много лет назад, скопированы - и скопированы с копии - и всех миллион раз допрашивали. И все это продолжается и сейчас. И людей и до сих пор вызывают, и задают им всякие разные вопросы, как относящиеся, так и не относящиеся к теме нашего дела. А поскольку тема нашего дела беспредельно широка, то есть косвенно относится все, то здесь тактика сюрпризов бессмысленна и она только направлена на то, чтобы избавить этот процесс от каких-либо признаков состязательности.

Ю. ШМИДТ: Я знаю специфику г-на Шохина. Мне довелось вместе с ним участвовать в деле об убийстве депутата Юшенкова на одной стороне. Я представлял семью Юшенкова, а г-н Шохин был прокурором. Так вот г-н Шохин даже мне, своему коллеге, не говорил накануне, каких свидетелей он собирается вызывать. Но поскольку в том процессе г-н Шохин быстро понял, что в моем лице он обрел достаточно сильного помощника, когда я обнаруживал в коридоре свидетелей, которых с моей точки зрения вызывать не следовало, в силу их неотносимости к делу, я их отправлял восвояси, а Шохина ставил в известность. В этом процессе я единственное чего добился, что г-н Шохин, когда заходит в зал как дирижер здоровается за руку с «первой скрипкой» и проходит на свое место. Что мне делать, чтобы он перестал со мной здороваться за руку, я не знаю. Мне неудобно перед подзащитными и перед коллегами. Так, что мы, конечно, не дождемся фамилий свидетелей заранее.

ЖУРНАЛИСТ: Вы сказали, что дело политическое, ответьте, пожалуйста, какие политические цели преследуются во втором процессе?

Ю. ШМИДТ: Ровно те же, что и в первом. Наказать человека, который посмел противопоставить себя курсу Путина, который вместо того что бы финансировать «правильную» партию ЕР открыто финансировал оппозиционные партии, который считал необходимым реализовать принцип разделения властей в стране, и который имел целый ряд планов по развитию страны, в том числе по развитию экономики. Эти планы делали экономику более свободной, систему менее коррупционной, что совершенно не устраивало ни Кремль, ни его обитателей. Поэтому расходы господ Потанина, Абрамовича, Дерипаски и многих других, и то как работали их компании, никого не заинтересовало, а вот то, что происходило к компании ЮКОС, привлекло внимание. И конечно Ходорковский сам долгое время считал, что главным желанием было отобрать его собственность. Я ему доказывал и по-моему доказал, что это желание, конечно, было большим и катализировало и подстегивало, но первое и главное – уничтожить опасного, имеющего мощную финансовую базу оппонента и одновременно, как это делалось в нашей стране во все

времена, показать самому крупному бизнесмену, что он никто, козявка. И надо сказать бизнесмены быстро поняли это.

НОВАЯ ГАЗЕТА: Вопрос к Елене Липцер по поводу второй жалобы. Если решение будет вынесено раньше приговора хамовнического суда, это как-то может сказаться на судебном разбирательстве?

Е. ЛИПЦЕР: На само судебное разбирательство это вряд ли как то окажет влияние, но если исходить из того, что окончательное наказание будет назначаться путем сложения приговоров, то если тот приговор будет отменен, то будет несколько иной порядок назначения наказания.

Ю. ШМИДТ: Процедура здесь интересная в российском законодательстве. Если состоялось решение Европейского суда относительно статьи №6. Первое, председатель Верховного суда должен внести представление в президиум Верховного суда. Сроки не установлены. Президиум Верховного суда должен это представление рассмотреть и вынести решение. Сроки не установлены. Вот только после этого, после того как отменено решение суда первой инстанции, принимается решение о том, как с этим делом поступать. У нас в России нет такой практики, правда не так давно было показательное дело «Попов против Российской Федерации». По моим наблюдениям, российская власть делает все возможное, чтобы отбить у российских граждан желание обращаться в Европейский суд. Там очень быстро было отменено решение, очень быстро состоялся новый суд, который по своему приговору был значительно хуже чем первый.

ЖУРНАЛИСТ: Связано ли инициирование дела Алексаняна как-то с продолжением процесса в части вызова свидетелей?

В. КЛЮВГАНТ: Вы имеете в виду то, что произошло вчера в Симановском суде? Это очередной пример издевательства над человеком. Когда есть заключение авторитетнейшей комиссии медиков о том, что любое нахождение в неконтролируемой среде опасно осложнениями, вплоть до смертельных, в том числе это относится и к участию в судебном разбирательстве, и встает прокурор и заявляет: «Ну может пусть он тогда по видеоконференции. Мы его все равно судить будем». Это еще один пример из массы примеров, сопровождающих дело ЮКОС, что идут на все вплоть до пыток, не останавливаясь не перед чем для расправы над намеченными жертвами. Вот и все с чем это связано. Это не связано с переходом к новому этапу в нашем процессе, потому что Василий Алексанян, естественно, отсутствует в официальном списке свидетелей стороны обвинения. В то же время известна его позиция, он ее не скрывает, в отношении Ходорковского и Лебедева, и его готовность, если бы только его состояние здоровья позволило, дать показания в нашем процессе. Это все известно, в этом нет ничего нового.